

В. Н. Шульгин

*доктор исторических наук, профессор БФУ им. И. Канта,
Калининград*

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ: НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР И ИСТОРИЯ¹

***Аннотация:** С опорой на достижения российской консервативной мысли начала XX века, автор рассматривает феномен народного характера и рассуждает по поводу исторической трагедии России, связанная с её революционными потрясениями, последовавшими в ходе Мировой войны. Это необъяснимо без учёта отступления верхов страны от императивных требований, диктуемых русской духовностью и самобытным складом народного характера.*

***Ключевые слова:** постоянство народного характера, духовный склад народа, Христианские империя и церковь, великая война 1914–1918, русизм, германизм.*

Иногда приходится сталкиваться с непониманием коренных «токов истории» в силу гиперидеологизации, с которой подходят к трактовке исторического процесса. За «детерминизмами» (экономическим, политическим, идеологическим) подчас не различаются истинные исторические первоначала, без чего не постичь природу исторических перемен. Обычно считается, что воюют страны, представляющие разные «системы» особых социально-экономических укладов, в основе коих лежит определённая идеология. Это поверхностное суждение. Вспомним, как по-разному в массе своей вели себя немцы и русские в 1917 г., выходявшие из окопов для «братания». Одни быстро возвращались по команде в строй к своему «орднунгу», другие верили в честность человечества и раздольно по-русски «шли гулять», поверив на время в абсолют не русской идеи.

Подобного рода отличия были всегда. Сравните поведение русских в Париже 1814–1815 гг. и франко-европейских войск при Наполеоне — в 1812 г. в Москве и России. Русские не только не грабили жителей, они были единственной оккупационной армией, которая заплатила сполна за постой. О других упомянул Д. Ливен, известный исследователь из Лондона, знаток русско-западноевропейских отношений. Он пишет: «Французы испражнялись в Православных храмах, использовали ико-

ны как мишени, упражняясь в стрельбе. Наполеоновские польские войска с оружием в руках нападали на мирных русских граждан»².

Характер народа — величина постоянная. Его изменения возможны лишь в определённом «диапазоне», в рамках раз навсегда данной ему «закваски». Так, англичанин никогда не скажет: ««я» — последняя буква в алфавите», как русский. Наоборот, он поставит своё «я» во главу угла, и *всегда* будет писать его с заглавной буквы. Это *их* правило. Даже современный «идейный» француз, не забывший о своём галльском характере, будет критиковать эту народную особенность англичан и северных американцев, клеймя «англосаксонский индивидуализм», эту язву человечества и гнилое основание ненавистного ей глобализма³. В Новое время суть этого заглавного исторического явления впервые осознал итальянец Д. Вико. Он убеждал историков искать правду истории, изучая различный духовный склад народов, её творящих, используя в качестве главного методологического приёма постижение языков в их становлении. Именно язык лучше всего свидетельствует о сути и возможностях того или иного народного характера, подлинного субъекта истории⁴.

Запад в своём высокомерии в отношении России и русских — а это, к сожалению черта многих людей Европы и Америки — постоянно соблазнялся, пытаясь покорить наше отечество. В конечном счёте, это его постоянное действие является следствием духовных расхождений главных исторических субъектов когда-то единой цивилизации, осененной крестом Спасителя: России (наследницы первой Христианской Империи) и Запада. Если доискаться до первоосновы христианского раскола, как это сделали Ф. И. Тютчев и А. С. Хомяков, придём к выводу, что ею является выход Запада из Церкви и Христианской империи, его самозваная попытка создать сепаратные церковь и империю, начиная с Карла Великого. Фридрих Барбаросса, Наполеон, Гитлер и современные вожди Америки, которые стремились и стремятся к строительству «подлинной» империи, продолжали и продолжают духовное беззаконие, начатое Западом во второй половине первого тысячелетия новой эры. Запад тогда постепенно стал вводить еретические нововведения в догматику Церкви, отрываясь от соборной полноты единой Христианской цивилизации⁵.

Пушкин, Тютчев и Хомяков раз навсегда доказали факт *этой духовной первоизмены* Запада, которая в конечном счёте всё и определяет в его отношениях к Руси⁶. Отсюда зверства западноевропейцев в 1600-х гг. во время польского нашествия и захвата Москвы, повторе-

ние их в 1812, 1914–1918, 1941... Причём Запад всё поменял местами: раскольниками у него оказались православные, а не римо-католики, как было на самом деле. Ведь догматические новшества стал вводить в одностороннем порядке именно Запад (*филиокве* и т. д.). Напротив, русские не имели духа превознесения, хотя понимали суть церковной перемены, введённой Западом.

«Первоначальный народ», так определил В. А. Жуковский духовную высоту русских, стал **единственным народом в Европе, определившим себя по вере** («мы — христиане, *крестьяне*»). Сравним, следуя советам Д. Вико, звучание этого понятия на разных языках. У русских — это *крестьянство, крестьяне*; у поляков — *chłopstwo, chłop; rolnictwo, rolnik*; у французов — *le paysan, la paysannerie*; у немцев — *der Bauer, die Bauernschaft*; на английском — *farmers, farmer*). **Обратим пристальное внимание на уникальный, духовный тип самоназвания нашего народа, нигде не виданный.** У поляков в имени *хлоп* звучала некая униженность сельского люда, в другом случае следовало указание на его «технологическую» специфику: земледelec — это «пахарь» (рольник, от общего славянского глагола; сравните древнерусское *орать, орать*, в смысле *пахать*). У англичан и немцев также критерием для словесного определения сельского коренного сословия служит критерий труда. У французов другое, следует указание на принадлежность сельского люда к *нашей стране (notre pays)*; недаром слово «пейзаж», как «вид страны» — французского происхождения.

Можно много говорить о самобытности русских и их характера. Так, народ наименовал свою страну по духовному критерию — *Святая Русь*; он же стал изъявлять благодарность в форме молитвы, говоря, *Спаси тебя Бог* (сокращённо *спасибо*). Это невиданные нигде в Европе, кроме Руси, способы наименования страны и изъявления благодарности.

Итак, всё сказанное свидетельствует о коренной христианской духовности русского народа, глубоко проникшей в его соборную душу. Факт русской Новозаветной избранности из-за временного отступления от народной *русской идеи* не отменён. Точно также, как и факт измены Спасителю большинства еврейства не может отринуть их общего Ветхозаветного избранничества и ослабить священное слово Пророков и, Апостола Павла, *еврея из евреев*, доносившего Евангельское Христово Слово «во-первых, Иудею, потом и Еллину»⁷.

Зная суть «духовной закваски» и, так сказать, *эллинизма* русской души, Ф. М. Достоевский, много истинного сказал о её вселенском

величии и мировом масштабе. Русский с болью, как свою трагедию, воспринял произошедшее разделение между христианскими народами. Достоевский узрел эту «всемирную отзывчивость» русских. Ф. И. Тютчев, другой великий художник слова и мыслитель, подобными же словами сказал о духовном величии русского народа:

<...>

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя⁸.

Итак, при изучении всех эпохальных событий, включая и Великую мировую войну, начавшуюся в 1914 г., следует в первую очередь учитывать первичный фактор духовного порядка, а именно суть народных характеров, сталкивающихся в войнах. Так, Достоевский в «Дневнике Писателя» писал о радости немцев, как «внутригерманских», так и российских остзейцев в 1870–1871 гг., в дни победы Германии Бисмарка над Францией. Вчитаемся в повествование Достоевского 1876 г., названное им «О воинственности немцев», из которого ясно, какой враг «созревал» для России 1914 г. Уже из названия ясно, что наш мыслитель понял неведомое многим — основополагающий факт *постоянства народного характера*, русского ли, немецкого, и т. д. В этом размышлении он ведёт речь о германизме, как естественном сопернике «русизма» (его термин).

Писатель стал свидетелем нескольких однородных случаев, одинаково свидетельствовавших о воинственности немецкого племени. Сначала он поведал об услышанном от шести немцев-попутчиков в купе вагона, во время поездки из России в Германию в 1876 г. Немцы подумали, что Достоевский не понимает их, и «с торжествующим и даже несколько надменным спокойствием... сообщили друг другу, что никогда ещё Россия не была в таком слабом состоянии...». Из их слов следовало, что немец не прочь повоевать с Россией после своей ошеломляющей победы над Францией. Несогласие Достоевского было спокойно

воспринято как естественное проявление русского патриотизма, но попутчики остались при своём мнении.

Далее Достоевский вспомнил свои впечатления 1871 г. Будучи в Дрездене, он стал очевидцем возвращения саксонских войск после общегерманской победы над Францией. Писатель наблюдал эти войска и раньше, при самом объявлении войны, когда они маршировали на Запад: «Всё это была молодёжь, и, смотря на иную проходящую роту, нельзя было не залюбоваться удивительной военной выправкой... свободой, ещё и невиданной мною в солдате, сознательной решимостью, выражавшейся в каждом жесте... Видно было, что их не гнали, а что они сами шли <...> без палки, как один человек, с совершенной решимостью и с полной уверенностью в победе. **Война была народною**»⁹.

Столь же народной была война с немецкой стороны и в последующих войнах, Первой и Второй мировых. Народный характер, в том числе и у немецкого народа, величина постоянная, об этом и писал Достоевский, прибавляя, что немцев было можно понять в их рвении бороться с французами, поскольку прежде они «терпели всякие унижения» именно от французов. Недостаток немецкого характера, с русской точки зрения, он также отметил. Это «всенародная хвастливость собой без меры», всегда переходящая «в нахальство» (особенно у протестанта, потерявшего чувство вселенского христианского единства). Черта неприятная и удивительная, писал наш мыслитель, так как немцы действительно многими достижениями могут честно похвалиться перед другими.

Русские, оказавшиеся в тогдашнем Дрездене 1871 г., встречавшем свои победоносные войска, были страшно удивлены тем, как немцы в массе своей свой восторг победой и презрение к французам стали немедленно сочетать с презрением к России и русским. Читая Достоевского, понимаешь, что наше эпохальное столкновение с Германской Империей в 1914 г. было неизбежно. Немцы стремились к нему всенародно! Достоевский свидетельствовал об этом настроении, замеченном русскими, бывшими тогда в Дрездене: «...даже лавочник, чуть лишь заговаривал с русским, хотя бы пришедшим к нему в лавку... тотчас же старался вернуть: «вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас». **Эта злоба против русских вскипела тогда в народе сама собою**, несмотря даже на всё то, что говорили тогда газеты, понимавшие политику России... без которой им, может быть, и не пришлось бы пожинать такие лавры» (Достоевский имел в виду дружественную политику России по отношению к Германии). Писатель прибавлял,

что это немотивированное «ожесточение против русских даже мне показалось тогда удивительным, хотя я всю жизнь мою знал, что немец всегда и везде, ещё с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского».

Достоевский заканчивал эти ценные размышления о народных характерах ещё одним наблюдением. Эти думы гения весьма ценны и для нашего времени, когда народные и цивилизационно-психологические соперничества не только не исчезли, но и стали во многом острее. Достоевский писал, что даже в русской столице, Петербурге 1871 г., «наши петербургские немцы... затевали тогда целыми пьяными ватагами ссоры и драки где-нибудь на попойке с нашими солдатами, и это именно из “патриотизма”»¹⁰. Вся Германия прищла в восторг, иногда даже сопровождавшийся убийствами мирных французских жителей, если у них в руках было оружие. Был учреждён общегерманский национальный праздник «День Седана», праздновавшийся до поражения Германии в Первой мировой войне (он был упразднён в 1919 г.)¹¹.

В сложившейся духовной и исторической обстановке война Германии и России, начавшаяся в 1914 г., была неизбежной. Нападение на Россию отвечало глубинным настроениям самого немецкого народа, забывшего о христианском единстве. Всё шло по сценарию известного девиза «Drang nach Osten», приписываемого традицией германскому средневековому императору Фридриху I Барбароссе. Ничего не меняет тот факт, что к войне стремились и русские правительственные и оппозиционно-думские либералы типа англомана министра иностранных дел А. П. Извольского или главы партии кадетов П. Н. Милюкова, несмотря на все тревожные предчувствия царя Николая II. Эти русские западники не более ценили Христианство, чем их прусско-австрийские соперники. Положение мог бы спасти гений-герой, каким был П. А. Столыпин, но он был в 1911 г. убит русофобом М. Богровым.

Столыпин был пророком, зная о страшной опасности назревавшей войны, основным подготовителем которой были немцы. Незадолго до собственной кончины, он дал отповедь интеллигентщине, потерявшей чувство народности и бесчувственно устремившейся к войне с Германией, как бы отвечая на её призыв померяться силами. Незадолго до своей безвременной кончины он писал министру иностранных дел Извольскому, предостерегая последнего от воинственности: «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу **будет гибельна для Рос-**

сии и династии <...> Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»¹².

Русская правительственная элита не могла в силу своей бездуховности и оторванности от народа воспринять заветы Столыпина и решить почти невозможную задачу уклонения от войны, которую «двигали немцы». Неизбежность «великой войны» проистекала, прежде всего, из раскола русского общества, давней потери им того единства, какое было в 1812 г. Можно предположить другой геополитический расклад, если бы были сделаны уроки неудач нашей подражательной политики XIX века, но этого не было сделано. Ю. Ф. Самарин показал, что недостатком всей русской политики до- и пореформенного времени была её безнародность¹³. Онемеченная (духовно, прежде всего) элита никак не могла вести великую империю своим курсом, не «таская каштанов» ценою собственной крови и средств для Англии, Австрии, Пруссии... Как-то России не удалось быть «себе на уме», как это естественным образом получалось у Московского государства до XVII века включительно.

В допетровской Москве прекрасно понимали суть базовых духовных расхождений с Западом. При Петре Великом это отошло на второй и третий план. Сам Пётр народного инстинкта не потерял даже при всех своих перегибах с навязыванием неметчины. Но вот позднейшие государи мужеска пола многое из русизма утратили. Историк Ливен заключает, как излагает его мысль рецензент: «Александр I был человеком немецкой выделки (extraction), предпочитавшим писать по-французски, мыслившим в панъ-европейских геополитических категориях, бравшим на службу генералов с иностранными фамилиями, вроде Пфуля, де Ланжерона и Баркляя-де-Толли»¹⁴. Александр I, а затем после победы над Наполеоном и Николай I стремились стать общеевропейскими императорами, «капитализируя» факт превращения России в мировую сверхдержаву. Прозападный курс был ошибкой. Запад в том духовном состоянии, в котором находился, не собирался проводить христианской политики, к которой искренне стремились Александр и Николай. Он воспринимал русскую политику как диктат. Это было несправедливо, поскольку Россия стремилась к сохранению сложившегося статуса кво в Европе и Турции. При этом западноевропейская подражательная ориентация русских царей и правящей элиты воспринималась Западом как нечто противоестественное для «варварской» России (так единодушно полагало европейское общественное мнение).

Ошибка царей, вследствие преобладавшего западничества, состояла в мнении, что Запад является «тоже» христианским. На деле же он всё более обезбоживался (секуляризовался). Да и наши государи были далеки от православной традиции и верных ответов на глубинные запросы русского национального характера, безуспешно призывавшего верхи к самобытности. По свидетельству фрейлины А. Ф. Тютчевой, дочери поэта-мыслителя, Николай I читал Евангелие по-французски; французским же был основной круг чтения его сына, Александра II с семейством. И это при наличии великой русской литературы, удивлявшей и поражавшей своим величием мудрецов Запада¹⁵. Некоторый поворот в русскую сторону при Александре III и Николае II уже не мог поправить запущенную болезнь основной части петербургской элиты, сроднившейся с *чужебесием*, и уменьшить раскол общества на западнистское большинство и национально-чувствующее меньшинство.

Другими словами, если бы Россия была «себе на уме», понимая по-православному, что современный духовно павший Запад в принципе не может быть верным другом, то мог бы быть другой расклад. Однако нашей традицией была вселенская политика — следствие «первоначально-христианской» отзывчивости Русских. В тех печальных условиях, когда русские верхи с петровских времён принялись забывать о духовных основах этой «вселенской закваски» русских, такое химерическое сочетание старого христианского настроения и новых нехристианских европейских обстоятельств не могло не обернуться бедой. Русский милосердный вселенский характер оказался в пленении имперской западнистской элиты, руководившейся космополитическим безбожно-либеральным самосознанием, воспитанном Вольтером и его цинической школой. Посему, кстати говоря, принимая космополитизм за проявление христианской вселенскости, наши цари и всё русское общество были готовы на всяческие жертвы ради заграницы, в том числе во имя славян, которые этих жертв далеко не всегда заслуживали.

П. А. Вяземский, затем К. Н. Леонтьев, эти выдающиеся мыслители XIX века, не раз писали об этом, предостерегая от неизбежного славянского эгоизма, воспитанного при содействии западных влияний, склонного считать, что Россия всегда что-то должна дать «братушкам» и не получить ничего взамен. Вяземский в конце жизни (1876) писал в интимном письме своему зятю, гр. С. Д. Шереметеву, споря с ним: «...главное недоразумение наше, что мы считаем себя более славянами нежели Русскими. Русская кровь у нас на заднем плане,

а впереди славянолюбие <...> Турки не виноваты, что Бог создал их Магометанами...»¹⁶.

К сожалению, большая часть правительственной и общественной элиты России у русских мудрецов не училась, потому она не сумела проводить одновременно национальную и христианскую политику в преддверии Великой войны, разразившейся в 1914 г. Сами «европеившиеся» наши интеллектуалы, вроде Милюкова, делавшие погоду в обществе, не поняли суть русского духовного акта и жертвенности, истоки которых были в первоначальной христоцентричности народа. Несение русскими подвига святости под личиной некоей простоватости, подчас юродивости, западный (или озападенный) человек воспринимает как русскую прирождённую глупость. Так полагал классик западного либерализма XX в. Л. фон Мизес¹⁷. До него к такому же суждению склонялся чех Т. Масарик, который, казалось, Россию познал, но духовности её не почувствовал (см. его известный трёхтомник: «Россия и Европа»). В отличие от немца Мизеса он почти не русофоб, но духовной высоты Православия, как западный человек, он не видит, считая, что колебания *русского характера от чувствительности к суровости* и обратно — следствие архаичности русских, которая пройдёт вместе с их прогрессом в общецивилизационном направлении, когда они отринут свои «религиозные и этические навыки и представления»¹⁸.

Высокомерное обмирщенное настроение, однако, постоянно толкало Запад эксплуатировать русскую отзывчивость, руководствуясь языческо-капральским чувством в духе «я начальник, ты — дурак». Западные европейцы в своей массе не увидели в русском характере плод истинной христоцентричности, потерянной Парижем и Лондоном. Историк Н. Н. Яковлев писал, что Франция осенью 1915 г., не считаясь с русскими жертвами, стала настаивать на том, чтобы Россия направила на Западный фронт 300 000 солдат. Представитель военной комиссии Сената П. Думер привёз в конце 1915 г. требование отправить на Запад даже 400 000 солдат, посылая по 40 000 ежемесячно. Президент Пуанкаре объяснял русской офицерской делегации, прибывшей в Париж, что русские должны расплачиваться за французскую материальную помощь. «Какая мерзость, какая низость!» — повторяли русские офицеры после аудиенции у французского президента-адвоката¹⁹. Видим, что также как католики-крестоносцы считали православных еретиками, которых можно грабить, так и многие западные политики новейшего времени воспринимали Россию

естественной служанкой для своих целей, по привычке рифмуя созвучные на латыни слова «славянин» и «раб»²⁰.

Далее, известны, например, позиции Англии, которые она традиционно занимала в отношении России. Знаем о содействии англичан заговору 1801 г. против Павла I, когда был русский император. Известно о прямом участии английского агента в убийстве 1916 г. близкого царской семье Г. Распутина, как и о поощрении англичанами заговора думских масонских кругов, который обернулся Февральской революцией 1917 г., переросшей в большевистский мятеж. И. В. Алексеева приводит многочисленные свидетельства подрывной роли англичан перед Февралём, говоря, в частности, о специфической активности английского посла Джорджа Бьюкенена (1910–1918). Так, Графиня Палей фиксировала подрывную роль английского посольства, которое «...по приказу Ллойд-Джоржда [премьер министра] сделалось оплотом пропаганды. Либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и др... находились там постоянно, именно в английском посольстве и решено было оставить законные средства и идти по пути революции. Во всём этом [посол] сэр Джорж утолял личную злобу»²¹.

Председатель Государственной Думы масон Родзянко, сыгравший одну из первейших ролей по ниспровержению законной христианской государственности в России, силится, находясь в эмиграции, отрицать свои связи с англичанами. Напрасно. По источникам точно известно, что он был в дружеских отношениях с послом Бьюкененом. Эмигранту Родзянке подпевал известный Р. Б. Локкарт, бывший английский торговый консул в Москве. Этот английский агент пытался доказывать, что Бьюкенен не был знаком с лидерами думской западнически-либеральной оппозиции, утверждая, что он с ними «никогда не встречался»²². Эти фальсификации, как проследила Алексеева, опровергаются многими свидетельствами. Ариадна Тыркова, например, знала о регулярных встречах Бьюкенена с членами ЦК кадетов, главной партии, участвовавшей под прикрытием своего легального думского статуса в подготовке свержения законной верховной власти. И это в годы тяжелейшей войны, не зря названной Великой. Подобного рода фактов приводится много²³.

Итак, правильная жизнь России, в соответствии с её внутренней духовной сущностью и господствующим народным характером может быть только самобытной. Оскар Уайльд недаром сказал о важности «быть честным». Необходимо любить свою Землю, родной народный

характер, а верхам страны — не противоречить им бесчувственной политикой, какой бы области она ни касалась. Русская мудрость учила тому же. Великая война 1914–1918 предельно обострила вьезвущую в тело и душу России болезнь подражательности, вновь мощно показав, как важно России и русским быть самими собой, прекратив самоизуверство, вызванное навлекаемыми на себя чужеродными заимствованиями: бытовыми, культурными, идейными, политическими

Примечания

- ¹ Текст публикуется в авторской редакции.
- ² Цит. по: *Alexander M. Martin on Dominic Lieven's 'Russia Against Napoleon' // The Times Literary Supplement*. 2009. 20 November. (перевод мой — В. Ш.). Оригинальный текст: «The French defecated in Orthodox churches and used icons for target practice. Napoleon's Polish troops attacked Russian civilians». Недавно появился русский перевод его ценного исследования по истории противостояния России и Запада». См.: *Ливен, Доминик*. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. — М.: РОССПЭН, 2012.
- ³ Это слова Марины Ле Пен, главы французского «Национального Фронта», третьей по силе политической партии Франции, за которой сегодня идёт более 1/5 электората. См., например, материал сайта этой организации: <http://www.frontnational.com/videos/marine-le-pen-sur-france-2-10/>
- ⁴ См.: *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций. Л.: ГИХЛ, 1940 (переизд.: Москва; Киев: REFL-book; ИСА, 1994).
- ⁵ См.: *Тютчев Ф. И.* Римский вопрос; Россия и Запад // *Он же*. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 3. — М., 2003. С. 179–200; *Хомяков А. С.* Церковь одна. М., 2001.
- ⁶ Общеизвестным являются критические суждения А. С. Пушкина о римокатоличестве (он говорил, например о «низостях папизма»).
- ⁷ Рим. 1:16.
- ⁸ *Тютчев Ф. И.* Эти бедные селенья (1855) // *Тютчев Ф. И.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1980. С. 142.
- ⁹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений. Т. 23. Л., 1981. С. 58–60 (выделено мною — В. Ш.).
- ¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ В наши дни немецкие составители интернет-статьи о своём победном сражении в войне с французами лукавят, когда делают вид, что германский праздник *День Седана* «был, прежде всего, праздником верного кайзеру бюргерства, дворянства, а также военных и прусского чиновничества...» (перевод мой, выделено мною — В. Ш.). Оставим эти слова, помещённые в самый конец материала, сказанные в духе «Гитлер капут», на совести составителей статьи. Они затемняют тот факт, что это был действи-

тельно всенародный немецкий праздник. — [Электронный ресурс] URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Schlacht_von_Sedan (подлинный текст: «Zuvor war er vor allem ein Feiertag des kaisertreuen Bürgertums, des Adels sowie des Militärs und der preußischen Beamtenschaft gewesen...»). На самом деле немцы, как и французы, до сих пор радуются военным победам, в том числе и над своими христианскими собратьями, скорбя о своих поражениях. И это вполне «нормально» для потомков христиан, забывших о первоначальном всеобщем цивилизационном единстве.

¹² Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 425–426.

¹³ См. точный анализ Ю. Ф. Самарина (1856) пороков политического курса Николая I: Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // *Он же*. Православие и народность. М., 2008. С. 286–312.

Самарин, по сути, писал о возобладавшем аристократическом общеевропейском интернационализме российской элиты под водительством самого царя. Российские верхи больше волновались западными делами, чем русскими, помогая всеми силами великой страны разнообразным немцам. Он писал: «С этой точки зрения... нет надобности справляться с **характером племён, с религиозными верованиями**, с историческими условиями, с местными особенностями, — всё это исчезает, сглаживается. Божий мир обесцвечивается, и род человеческий распадается на две половины: законных владык и мятежников». — Там же. С. 289–290 (выделено мною — В. Ш.). Такая политика не могла не привести к краху. Он и последовал, сначала в Крымскую войну, затем в Первую мировую. 1917 г., как реакция возмездия, стал неизбежен.

¹⁴ Martin A. Ibidem (перевод мой — В. Ш.).

¹⁵ Поль Валери считал классическую Русскую культуру одним из трёх главных всемирных достижений человечества, этих подлинных «чудес света», наряду с Греческой классикой и европейским Возрождением. Томас Манн назвал русскую литературу «святой».

¹⁶ Этот сюжет подробнее рассмотрен в монографии: Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009. С. 428–429 и др.

¹⁷ Факт заимствования русской радикальной интеллигенцией западных разрушительных доктрин, «оправданных» немецкой диалектикой, Мизес объяснил фатальным русским «интеллектуальным бесплодием». Кроме подражателей он на Руси ничего самобытного не увидел, потому и впал в русофобию. Ему было далеко до таких мудрецов Европы, как нобелевский лауреат А. Камю, последователь Достоевского. Последнего Мизес ненавидел, не умея почувствовать истинности *русской идеи*. Этот действительно большой политэконом был духовным пигмеем, отразив поверхностное высокомерие Запада по отношению к православной Руси. Мизес Л. фон. Либерализм. М., 2001. С. 146–147.

¹⁸ Масарик Т. Россия и Европа в 3 книгах. Кн. III. СПб., 2003. С. 141.

¹⁹ Яковлев Н. Н. 1 Августа 1914. Изд. третье. Дополненное. М., 1993. С. 184–185.

²⁰ Slav — slavus.

²¹ *Алексеева И. В.* Посол Великобритании в России Джорж Бьюкенен и Февральская революция 1917 года // Научная биография — вид исторического исследования. Межвузовск. сборн. научн. трудов. — Л.: ЛГПУ, 1985. С. 101.

²² Там же. С. 103.

²³ Там же. С. 104–113.